

Отзыв официального оппонента на диссертацию Анисимовой Евгении Евгеньевны «Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература» (филологические науки)

Актуальность диссертации Е.Е. Анисимовой обусловлена прежде всего глобальным рецептивным разворотом мирового литературоведения с 1960-х гг. XX в.. В виде «рецептивной эстетики» и «теории читательского ответа» он дошел до отечественной филологии только в 1990-х гг. Однако это не исключало проблему взаимного влияния литератур и писателей друг на друга, творческой рецепции, которая была актуальна и для литературоведения советского периода.

Важно подчеркнуть, что в исследовании сохранено и это традиционное направление советского «рецепционизма» с доминантой в нем именно творческого восприятия литератора в словесности. Подобный тип рецепции русской литературы в целом, ее отдельных этапов, творчества русских классиков в литературной критике, славистике зарубежных стран, творчестве известных авторов зарубежной литературы стали привычной темой многочисленных диссертаций. И география охвата, и количество персоналий, и методика анализа по сравнению с советским литературоведением здесь существенным образом изменились, обогатившись не только обширным списком новых авторов, но и принципиально иным подходом к самой проблеме рецепции. К сожалению, как и в давнопрошедшие времена, преобладает количественный аспект, обусловленный наращиванием еще не освоенных стран и имен. Не менее продуктивно и разнообразно рассматривается и обратное влияние разновременной зарубежной литературы на отечественную («рецепция в русской литературе», «русская рецепция»). Разумется, привычное разделение внутри самой словесности или филологии вынуждает усложнять классификацию типов рецепции («научная», «литературно-критическая», «художественная»), есть попытки введения и понятия «внутрицеховой» рецепции (термин М.В. Загидулиной).

Очевидно, что до сих пор теоретические исследования процесса восприятия произведения и автора собственно конкретной читательской аудитории или читателем как абстрактной инстанцией текста у нас сильно уступают более привычному и филологически плодотворному описанию закономерностей влияния писателей друг на друга. Волна интереса к самой теории рецепции, выразившаяся в проведении с 1960-х по 1990-е гг. семинаров по «Поэтике и герменевтике», возникновении «констанцской школы», сошла и филология стала возвращаться к более привычным для себя «конкретным» взаимодействиям авторов, моделей житнетворчества, жанров, мотивных комплексов и т.п.

Другое дело, что подобные формы взаимодействия опираются сейчас уже не просто на констатацию текстуальных «заимствований», но и на более прочный и сложный фундамент «диалога» своего и чужого М. М. Бахтина, борьбы и конкуренции авторов Г. Блума, «горизонтов ожиданий» рецептивной эстетики, марксистского исторического анализа «изобретения традиции» Э. Хосбаума, компетенций дискурса В.И. Тюпы и т.д. Большинство подобных подходов реализовано в диссертации Е.Е. Анисимовой с большим чувством меры и уместности использования той или иной стратегии восприятия. Как выражается сам автор, «в настоящей работе мы исходим из понимания рецепции как *диалогического* взаимодействия воспринимающей культурной среды с вовлекаемым в ее орбиту источником и в этом отношении сущностно отличающегося от монологического и одностороннего акта «влияния», т.е. моделирования (или самомоделирования) реципиента...». Очевидно, что потребность в самоидентификации, тем более со стороны другого «творческого субъекта», социокультурная и литературная ситуации, коротко говоря, субъект рецепции с его сложным контекстом, оказывают не меньшее воздействие, чем объект рецепции, на сам процесс восприятия.

В последние годы под влиянием семиотической эстетики и теории эстетической коммуникации В.И. Тюпы в литературоведческой и педагогической среде стало популярно различие понятий «креативного» и «рецептивного сознания», последнее словосочетание вошло и в название рассматриваемого исследования, но уже не как теоретический конструкт виртуальных инстанций коммуникации, а как обозначение сообщества русских литераторов, формирующего некое полисубъектное, изменчивое, но в основе своей все же поддающееся типологическому обобщению отношение к творчеству и личности В.А. Жуковского. Поэтому понятие «рецептивного сознания» в диссертации используется как некая результирующая для достаточно разнообразных, во многом индивидуально обусловленных стратегий восприятия. Однако общие закономерности для определенных этапов русской литературы при помощи этого, казалось бы, «виртуального» термина действительно удается выявить.

Не меньшую, а возможно и большую роль при этом, как показывает Е.Е. Анисимова, играют не столько сами тексты автора, постепенно обезличивающиеся и даже утрачивающие с ним эксплицитную связь, сколько творческие стратегии, схожие или несхожие социальные практики, личностные психологические установки. В любом случае, на первый план в диссертации выходит не столько абстрактная рецептивная эстетика, сколько более привычная для отечественного литературоведения поэтика с особым акцентом на значимости проблемы жанра, его сюжетных моделей, круга мотивов. В русле всех отечественных исследований, посвященных романтизму, модернизму и авангарду по-прежнему современен и важен анализ значимости творческого поведения («жизнестроения», в формулировке Е.Е. Анисимовой).

Наконец, **актуальность** диссертации определяется и интенсивным изданием, изучением и комментированием в последние десятилетия творчества Жуковского Томской филологической школой. В этом смысле диссертацию нужно воспринимать как яркий и фундаментальный, хотя вряд ли последний, индивидуальный вклад в многолетний коллективный проект томских филологов. Стоит упомянуть и актуальность проблемы преемственности романтизма и «неоромантизма», как называл русский модернизм С.А. Венгеров, а также отношения модернизма Серебряного века, советской литературы и консервативного модернизма русской эмиграции к классике XIX в. Автор диссертации крайне удачно были выбраны литературные периоды, когда происходил слом традиции и переоценка литературных ценностей: рубеж XIX – XX вв., изменение отношения к классике в советской литературе рубежа 1920-х – 1930-х, формирование новой иерархии классики и новой идентичности в культуре русской эмиграции первой волны.

В выборе текстового материала и авторов Е.Е. Анисимова тщательно избегает общеизвестного и банального, кратко анализируя то, что уже сделано ее предшественниками. В общем, установку диссертации можно было бы определить как систематизацию «имплицитного», «еще не увиденного Жуковского».

Существенно **новым** в диссертации следует признать: 1) последовательную аргументацию большей значимости самой литературной личности В.А. Жуковского, а не его текстов; 2) внеинтенциональность и имперсональность воздействия его по преимуществу «зимних» балладных мотивов на творчество других русских поэтов и писателей, что не помешало им стать универсальными метафорами как сюжетики русской литературы в целом, так и русского зимнего хронотопа в частности; 3) демонстрация последовательной «идеальности» литературной и внелитературной личности Жуковского, по-видимому, контрастировавшими с поведением его современников и потомков; 4) тщательное воссоздание обстоятельств и логики вхождения В.А. Жуковского в промежуток между двух юбилеев 1883 г. и 1902 г. в ранг литературного классика в русском обществе, государстве и его институтах, литературе конца XIX в.; 5) развернутая аргументация того, что горизонт восприятия личности поэта и всего его творчества через его личность был сформирован в 1890-е и начале 1900-х гг. в биографической доминанте всех книг, посвященных поэту, с

особым акцентом на скрытой драматичности его жизни (незаконное рождение, потеря возлюбленной, учительная роль по отношению к цесаревичу); в это же время формируется «жизнестроительный» миф о безупречном в нравственном отношении поэте; 6) систематизацию связи творчества и творческого поведения Жуковского с «неоромантическим» контекстом русского символизма начала XX в. от лирики А. Блока до версии генезиса русского символизма, выстроенной Л. Кобылинским, 7) раскрытие социокультурных и личностных побудительных причин «замалчивания» Жуковского русской либеральной интеллигенцией в конце XIX в. – начале XX в. и особая роль в этом статей и прозы Д.С. Мережковского; 8) открытия особой асимметрии интенционального вытеснения Жуковского из пространства истории русской литературы с сохранением безусловного воздействия его баллад на сюжетные линии и персонажную систему; 9) приоритет Ю. Айхенвальда в выстраивании мифа о «тишайшем» русском поэте, что получит продолжение в агиографизации этого мифа в творчестве Б. Зайцева; 10) образ Жуковского крайне важен для формирования персонального мифа И.А. Бунина об особой родовой преемственности в истории русской литературы, биографические, балладные, элегические мотивы, связанные с Жуковским, становятся значимой деталью «восточного», «рыцарского», «метельного» «текстов» Бунина; 11) разнообразные мотивы Жуковского являются частью стратегии пародирующего осмеяния русской классики в прозе И. Ильфа и Е. Петрова; 12) выявлен подтекст, связанный с поэзией и личностью Жуковского в поэзии и прозе Д. Хармса; 13) В. Набоков использует балладные мотивы Жуковского и его статью «О смертной казни» для создания осложняющего подтекста своей метапрозы, в частности, романов «Лолита», «Пнин».

Вызывает некоторые сомнения формулировка названия 4-й главы исследования («**Парадигма Жуковского в русской литературе: мотив, сюжет, жанр**»): эти «парадигмальные» образы анализировались и в предшествующих главах, а сведение в рамках одной главы такого столь разнородного материала как восприятие травелога Жуковского и влияния его поэтического кредо на метапоэтическую рефлексия Фофанова и Заблоцкого не представляется уж очень логичным. Само разделение «харизматического» и «парадигматического» в рецепции любого автора, в том числе и Жуковского, не может встретить возражений, о чем будет сказано ниже. Но тогда стоило бы более отчетливо проводить это различие в композиции разделов.

У нас сложилось впечатление, что автор исследования хотела свести воедино, в рамках одной главы, довольно разнородный материал, в результате возникло вполне естественное соседство и без того близких Б. Зайцева и Жуковского, скрепленное вдобавок жанром путешествия, но следующая за этим композиционная соположенность Фофанова и Бунина показалась нам странноватой и слишком «внешней». Чувствуется, что бунинского материала хватило бы и для отдельной главы, так его много и так прочны связи Бунина и Жуковского, явно не все достойные анализа тексты здесь рассмотрены.

Тем не менее раздел, посвященный как путешествию императора и поэта, получился одним из самых насыщенных в информативном и одним из самых искусных в интерпретационном планах. Само обращение к творчеству незаслуженно недооцененного К.М. Фофанова и его отношения к Жуковскому нужно признать еще одним несомненным достоинством исследования, не говоря уж о замечательном анализе почти обезличенной поэтической формулы поэта. Наибольшее впечатление на нас в этой главе, да и во всей диссертации в целом, произвел разбор влияния балладного сюжета, мотивов и хронотопа на позднюю прозу Бунина («4.3. Балладный мир Жуковского и поэтика прозы И.А. Бунина»).

Отметим, что существенно расширяют поле рецепции и ее «горизонтов», всегда оригинальны «экскурсы» диссертантки в внутрисемейную ситуацию Мережковских, отношение к Жуковскому среди воспитанников и преподавателей гимназии Л.И. Поливанова, (с.с. 195-200), тайну происхождения Эллиса или в историю освоения «рыцарской темы» в русской литературе и личностное отношение к ней Бунина и т. д. Как и положено автору

диссертации на соискание ученой степени доктора, Е.Е. Анисимова свободно ориентируется в самых разных авторских поэтиках и художественных парадигмах русской литературы, видит их глубинные смыслы, всегда использует научные исследования самой последней свежести и высшей пробы.

Теоретическая значимость исследования определяется, в первую очередь, его высокой теоретико-методологической оснащённостью. В интерпретациях автора работы переплетаются подходы исторической поэтики в плане исследования жанра, мотивного анализа, психологического и биографического методов, теории социальной легитимизации с понятиями теории интертекстуальности в ее психоаналитической версии Х. Блума («Страх влияния»). Наиболее интересным и перспективным для нас с точки зрения теории художественной рецепции авторов стало последовательно проводимое автором различение харизматического (для автора – мифологизирующего) типа рецепции, обусловленного воздействием личности и творческого поведения другого автора и «парадигмального», связанного с поэтикой конкретных художественных форм, от словесных формул до жанра в целом. Второе отчасти напоминает подходы русских формалистов, их «форму» и «приемы».

Как показывают наши нехитрые подсчеты, по теме диссертации автором опубликовано в обще сложности 28 работ, из них 17 - в журналах, включенных в перечень рецензируемых российских журналов. В списке литературы - 599 (почему не 600?) источников, в основном связанных с отечественным литературоведением и критикой. Подробно и глубоко проанализировано творчество нескольких десятков значимых для русской литературы авторов. Большой объем исследованного историко-литературного материала, опора на выверенные теоретические основания и применение апробированных методов исследования обеспечивают **высокую степень обоснованности и достоверности результатов работы**. Она предельно выверена в отношении композиции и стиля.

Теперь по традиции перейдем к тому, что нам представляется небезупречным.

Краткий повтор основных вех юбилейных чествований и публикаций о нем на сс.192-193, о которых подробно рассказывалось в первой главе исследования, нам представляется досадным недоразумением.

Самый серьезный промах, хотя и незначительный для концепции работы и «самого Жуковского» допущен в примере, который должен продемонстрировать особое отношение модерниста к автору-классику, в данном случае А.С Пушкина (сс. 22-23 исследования). Избегая банальностей вроде «моего Пушкина» М. Цветаевой и стараясь найти свежий пример модернистской рецепции, автор работы допускает, на наш взгляд, оплошность, слишком доверившись мемуарному свидетельству сына-эгофутуриста и как бы подменив им в тексте работы само стихотворение. Это тем более досадно, поскольку особый раздел, посвященный К.М. Фофанову в 4-й главе диссертации, написан на очень высоком уровне, с использованием даже рукописных и незаконченных фрагментов наследия поэта.

Сначала диссертантка приводит отрывок из мемуаров эгофутуриста К.К. Фофанова, сына поэта, к одному из самых известных и «возвышенных» стихотворений К.М. Фофанова: «В самом начале интересующей нас эпохи, в 1887 г., К.М. Фофановым было написано стихотворение «Тени Пушкина», историю создания которого подробно описал сын поэта: «Снится отцу, будто сидит он в пивной. Пьет пиво. Раскрываются двери, входит энергичной походкой человек низенького роста <...>, и в нем отец узнает Пушкина. Пушкин начинает читать свое стихотворение «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон» и т.д., таким вдохновенным чтением, какого отец ни от кого в жизни не слышал. По прочтении стихотворения Пушкин зарыдал и склонился на колени перед отцом. На этом отец проснулся, пораженный виденным. <...> Об этом сне мне приходилось слышать неоднократно в последние годы жизни отца» (с.22).

Вряд ли можно назвать этот мемуарный комментарий, опубликованный в ноябре 1911 г. в «Биржевых ведомостях» «маргинальным фрагментом наследия Фофанова» (с.23), ведь он полностью остается на совести сына поэта и нигде более не зафиксирован.

Отметим, что само стихотворение отнюдь не маргинальное для Фофанова, даже напротив: оно было написано, прочитано и издано в 1887 г. к 50-летию смерти Пушкина. Диссертантка далее заключает: «Совмещение грубой бытовой обстановки с образом великого поэта, настроенного по отношению к самой этой обстановке совершенно бесконфликтно, превосхищает символистскую идею жизнотворческого синтеза духовной и эмпирической ипостасей действительности» (с. 23). В поэтическом тексте Фофанова-отца никакой «грубой бытовой обстановки» нет и быть не может, хотя в своем бытовом поведении постоянно находившийся в «неадекватном» состоянии поэт многое себе, как известно, «позволял». Приведем текст без разбивки на строфы:

Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам – вешний день,
Как тучам – быстрые зарницы.
Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,
Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух!
То было ль раннею весною,
Когда живей тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою?
Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна.
Иль в час утра, когда как розы
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Стряхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?
Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалась зима
И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?
Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня?
Как тайна смерти от сознанья,
Тот час утерян для меня

И нет о нем воспоминанья!
Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.
И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.
Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день...
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

Заметим, что в поэме Фофанова «Дума в Царском Селе» (1889) будут еще более усилены коннотации сакральности «тени» Пушкина: «Святая тень великого певца!» Совершенно очевидно, что поэт изображен в духе лирической апологии, дан в максимально возвышенном стилевом ракурсе, вне реального времени и пространства. Стихотворение самого Фофанова построено на поклонении перед Пушкиным как сакральным авторитетом, Богом поэзии. Версия сына поэта о пивной, «инверсия статусов» – это типично мемуарная «мифотворческая» версия, ничем в тексте или дневниках самого Фофанова не подтвержденная. Это явный «навет» со стороны Фофанова-сына, цель которого, по видимому, – снизить своей гротесковостью высокую стилистику «видения» отца. Поскольку ясно, что под «эпизодом» имеется в виду, как мы надеемся, все-таки фрагмент мемуаров «Фофанова-фиса», то автору надо признать, что выбран хотя и оригинальный, но по двусмысленности исполнения не самый удачный пример рецепции классики. Далее, называть В.Я. Брюсова здесь же «спонтанным продолжателем Фофанова...» (с.22) – это историко-литературная натяжка: прямое влияние К.М. Фофанова именно на весьма рационального В.Я., гораздо более эрудированного «пушкиниста», было явно невелико. Во всяком случае, завершая этот несколько затянувшийся эпизод, стоило бы рассмотреть вопиющий зазор «текстового» и «автокомментирующего» в творческом поведении Фофанова, что, разумеется, не могло быть темой данного исследования.

Высказанные выше замечания носят частный характер и не влияют на безусловно высокую оценку работы в целом как фундаментальной и крайне значимой для отечественного литературоведения.

Заключение по работе.

Диссертация **Анисимовой Евгении Евгеньевны «Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века»**, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, необходимые для развития современной отечественной литературоведческой ориенталистики, их совокупность можно квалифицировать как научное достижение, она соответствует всем требованиям пунктов 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24 сентября 2013 г. №842. Ее автор, Анисимова Евгения Евгеньевна, заслуживает присуждения

искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература (филологические науки).

Мароши Валерий Владимирович, доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – «Русская литература»), доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 630126, ул. Виллойская 28, раб. телефон 8-383-244-06-30, maroshi@mail.ru

17.05.2016 Мароши В.В.

